

Комментарии к докладу М. А. Розова

А. Г. БАРАБАШЕВ

1. М.А. Розов говорит о различных бытующих (семиотически функционирующих) объектах — литературном произведении, знаке, знании, научной теории. Естественно, этот список может быть продолжен, в него входят образования вербальной природы, которые возможно каким-либо образом зафиксировать и воспроизвести, сначала уловив, а затем и сохранив связанный с ними смысл. Итак, семиотические объекты как-то существуют.

2. Всякое ли существующее может быть изучено? Применительно к семиотическим объектам ответ на данный вопрос не так прост. Дело в том, что изучение можно трактовать по-разному. М.А. Розов, например, полагает, что изучение невозможно без предварительного уяснения того, каково бытие изучаемого (существующего), ибо в противном случае «автор сам не знает, о чем говорит». Однако в основном именно так и происходит изучение. Даже в математике, в которой объекты, казалось бы, полностью задаются начальными соглашениями, ответить на вопрос о бытии (в философии математики принято говорить — «природе») математических объектов не удается до сих пор: математика продолжает развиваться в условиях эпистемологической неопределенности своих оснований, в условиях спора различных концепций оснований математики и кризисов, порождаемых чрезмерными претензиями этих концепций.

3. Что же можно сказать о семиотических объектах безотносительно к их бытию, понимаемому как материал (субстанция), с которым соотносимы характеристики семиотических объектов. Я полагаю, что даже не определив субстанцию семиотических

68

объектов, все-таки можно кое-что сказать об их свойствах и функционировании.

4. Семиотические объекты изучаются как бы «на разных уровнях». Например, семиотическим объектом может быть литературное произведение в целом, некоторая его часть, отдельная фраза, слово, знак. Эти уровни зачастую соотносимы. Выходит, что семиотические объекты, чем бы они ни были и каков бы ни был их онтологический статус, обладают важным свойством. Семиотические объекты могут вкладываться друг в друга (субъект способен генерировать семиотические объекты не сепаратно, а в некой их соотнесенности). Это — структурное свойство семиотических объектов. Неясно, насколько такое вложение является упорядоченным. Однако наличие указанного свойства уже дает многое для понимания природы семиотических объектов, поскольку позволяет заявить, что природа семиотических объектов соотнесена с их структурированностью. Отсутствие субстанции семиотических объектов компенсируется их структурной соотносимостью.

5. Это свойство, а также возникающие на его основе закономерности можно эксплуатировать безотносительно к субстанции семиотических объектов. Прибегну к аналогии. Зачастую обсуждают поведение человека, не зная его адреса и данных. Если же кто-то скажет, что обсуждать поведение человека нельзя без предварительного указания его адреса, имени и фамилии, то такой подход также имеет право на существование, но он будет, скорее, свойствен сотруднику паспортного стола, вообще какой-то организации, собирающей данные о человеке в привязке к его идентификации. Я думаю, что функционирование языка как процесс генерирования семиотических объектов и оперирования ими может изучаться вне субстанциального подхода, а отказ от изучения языка из-за отсутствия у него субстанции означает, что философ- субстанциалист освобождает предметную область для коллег, придерживающихся других принципов изучения. Остановить «пользователей семиотических объектов» и исследователей семиотических объектов (уровень рефлексии) нельзя, можно только устраниться от участия как в основном, так и в рефлексивном семиотическом процессах.

б. Для семиотических объектов (слово «объект» здесь не слишком удачно: семиотический объект, скорее, есть некий узел, т.е. «топологическая характеристика» в пространстве семиотических

69 соотношений) отсутствие их субстанции, в том числе и звуковой, компенсируется присутствием структурной организации. Например, в русском языке слово «хрщъ» не может существовать, так как его внутренняя структура делает произнесение данного слова затруднительным. Или же слово «хрен» вкуса хрена не несет и по языковой субстанции (звучанию) с реальным хреном никак не связано, однако ясность и простота сочетания звуковых компонентов слова «хрен» делает возможным его использование как семиотического узла в общей структуре речи.

7. Для мира семиотических узлов важнейшей задачей является исследование способов их компоновки, типов структурной соотнесенности. Почему одни сочетания слов, знаков, фраз и т.д. являются воспринимаемыми и смыслонаделенными, а другие воспринимаются не иначе как бред? Существуют ли границы смыслонаделения (так, мы знаем, что значит фраза «глокая куздра штеко бодланула», однако можем ли мы наделить смыслом продвинутую модификацию этой фразы «глокая ворсклая штеко веленко»)? При поиске ответов на данные вопросы следовало бы исходить из того, что изучение треугольника «имя-денотат-смысл» не является определяющим для выяснения бытия семиотических узлов. Лучше опираться на иную конструкцию, избавленную от интенций, таящихся в самом принятии треугольника Фреге. Мне кажется, что более плодотворным было бы рассуждение о соотношении двух сетей: сети семиотических узлов и сети их смыслов. Эти две сети должны быть наложимы друг на друга, причем желательно без образования противоречий и двусмысленностей. Можно, конечно, спросить, куда же в этой конструкции подевались денотаты (денотат)? Мне представляется, что денотаты сами по себе не существуют, они живут только в совокупности, в соотнесенности слов и смыслов. Скорее, наличие денотатов является следствием наложения одной сети (семиотических узлов) на другую сеть (смыслы). Каков способ такого наложения, таковы будут и денотаты.

Я полагаю, что способ соединения семиотических узлов (так называемых семиотических объектов) и смыслов зависит от имеющихся традиций, сложившихся социальных условий. Есть воспринимаемые языковые конструкции и их смыслы, они зарождаются, усложняются, интерферируют друг с другом, затухают (отживают свое) и заменяются новыми. Поэтому я согласен

70

с М.А. Розовым в том, что такие конструкции надо изучать как социальные куматоиды, как волноподобные явления в некоем семиотическом пространстве, транслирующие однажды зародившееся смыслоупотребление и приспособляющие его к условиям социальной среды. Однако изучение социальных куматоидов, скорее всего, будет много более сложным, нежели изучение движения и интерференции волн физической природы, поскольку всякое семиотическое изучение означает плавание в семиотической среде, в свою очередь порождающее новый тип волн (рефлексивных семиотических моделей) и искажающее исходную картину. Могут появляться новые языковые конструкции, которые невозможны без предварительной рефлексии относительно имеющихся конструкций. Например, само словосочетание «язык как волна» становится осмысленным и порождающим новые языковые правила и семиотические узлы. Означает ли это, что мы сталкиваемся с феноменом исследовательской (рефлексивной) программы, превращающейся в новую семиотическую реальность?

71